Г ЛЕМАНН-КАРЛИ

Я. М. Р. ЛЕНЦ И Н. М. КАРАМЗИН

Якоб Михаэль Райнольд Ленц (1751—1792), беспокойно кочевавший с начала 1780-х гг. между остзейскими землями и Петербургом, служивший гувернером (в частности, в семьях фон Бергов и Липартов), стремился вступить на императорскую службу: Л. Г. фон Николаи был секретарем и библиотекарем у великокняжеской четы, М Клингер — чтецом при «драгоценнейшем» («theuersten») великом князе Павле. Первоначально Ленц хотел было поступить учителем в Кадетский корпус, которым заведовал тайный советник и реформатор образования И. И. Бецкой. Однако надежды его не сбылись. На одну из причин неудачи указал издатель «Русской библиотеки» («Russischen Bibliothek») Н. Л. Хр. Бакмейстер в письме, написанном в Петербурге другу Ленца Ф К. Гадебушу в июне 1781 г.: «Поэт Ленц совсем не подходит нашему городу. Что можно предпринять с его великой рассеянностью?»[1]

Уже в июне 1781 г. Ленц встретил в Петербурге И. Г. Шварца, внеординарного профессора немецкого языка Московского университета, руководителя московских масонов. Результатом этого свидания стало переселение Ленца в Москву Об этом свидетельствует недавно опубликованная Х. Вайсом рукопись Ленца 1792 г., носящая следующее заглавие: «Abgezwungene Selbstvertheidigung gegen eine mir aufgeheftete Leidenschaft aus welcher eine Farse werden wollen die mit einer Parforcejagd geendet haben würde: einem Kinde von 14 Jahren gewidmet in den vereinigten Logen zu Moskau». («Вынужденная самозащита против обуявшей меня страсти, из которой вышел бы фарс, кончившийся бы парфорсной охотой: посвящается четырнадцатилетнему ребенку в объединенных ложах в Москве») Далее говорится: «Hier lernte ich den sel. Schwarz kennen und war froh Nachrichten aus Moskau zu erhalten worauf sogleich die Parthei ergriff nach Moskau zu gehen und alle diese Irrungen mit einemmal abzuschneiden» («Познакомился я здесь с покойным Шварцем и был рад получить из Москвы известие, по которому сразу же принял решение ехать в Москву, и со всеми этими сомнениями сразу было покончено»).[2]

30 августа 1781 г. Ленц писал историку Г. Ф Миллеру, что хотел бы («unter Dero Rath und Leitung die Geschichte des

---

[1] *Розанов М Н* Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения М, 1901 Нем пер · *Rosanow M N* Jakob M R Lenz, der Dichter der Sturm- und Drangperiode Sein Leben und seine Werke Leipzig, 1909 S 404 Эта книга до сих пор является основополагающим трудом по биографии Ленца

[2] *Weiss Ch* «Abgezwungene Selbstvertheidigung» Ein bislang unveroffentlicher Text von J M R Lenz aus seinem letzten Lebensjahr // Lenz-Jahrbuch Sturm- und Drang-Studien St Ingbert, 1922 Bd 2 S 31

© Г Леманн-Карли, 1996
© Н Ю Алексеева, перевод, 1996

Vaterlandes (wofür ich Rußland halte)») «с его помощью и при его руководстве заняться в Москве историей отечества (каковым я считаю Россию)», и просил, так как он русским едва овладел, разрешения остановиться в его доме. Просьба эта была удовлетворена. В октябре того же года Миллер, в то время директор архива в Министерстве иностранных дел и директор Московского воспитательного дома, предложил ему место воспитателя в одной знатной русской семье. Несмотря на свои стесненные обстоятельства, Ленц отказался от предложенного места, обосновав это тем, что он еще недостаточно знаком с русской историей.[3]

Ленц снова вернулся к начатым ранее литературным трудам. Он в числе прочего работал над «Catharina von Siena» («Катерина из Сиены») и «Sizilianischen Vesper» («Сицилианской вечерей»), последняя была опубликована в 1782 г. в «Liefländischen Magazin der Lectüre». Сохранился также и фрагмент «Бориса Годунова». Когда в 1782 г. в Петербурге был открыт памятник Петру Великому («Медный всадник»), Ленц сочинил оду «Auf des Grafen Peter Borissovitsch Scheremeteff vorgeschlagene Monument» («На монумент, воздвигнутый по предложению графа Петра Борисовича Шереметева») — очередную похвальную оду Екатерине II, которая благодаря этому памятнику «theilt die Loosung aus nach welchem Maas sie mißt» («определяет надписью на нем свое место в истории»). Смерть Миллера, последовавшая в 1783 г., стала для Ленца новым ударом судьбы. Правда, еще какое-то время он продолжал жить в его семье.

С 1783 г. Ленц поступает воспитателем в две частные школы. Его труды по педагогике были между прочим напечатаны в «Baltischen Monatsschrift». Уже в декабрьской книжке 1780 г. выходившего в Митаве журнала «Für Leser und Leserrinen» появилась статья Ленца «Entwurf einiger Grundsatzte für die Erzieung überhaupt, besonders aber für die Erziehung des Adels» («Набросок некоторых основ воспитания вообще, в особенности дворянского»). В 1784 г. Ленц разработал план создания литературного общества, которое должно было преследовать морально-просветительские цели в духе масонства и пиетизма. Его связь с новым Страсбургским литературным обществом, где Ленц был соучредителем, несомненна. Там в прочитанном в 1775 г. «Versuch über das erste Prinzipium der Moral» («Опыте о первом принципе морали») он определил свое понимание «предназначения человека». Неопубликованный набросок 1784 г. был написан на французском и русском языках. Французская рукопись носит заглавие «Proposition de paix ou projet d'ouverture d'une Assemmblée littéraire à Mos-

---

[3] Briefe von und an J. M. R. Lenz, gesammelt und herausgegeben von K. Freye und W. Stammler. Bern, 1969 (репринт. изд. К. Вольфа. Leipzig, 1918). S. 193—195.

cou» («Мирные предложения, или Проект открытия литературного общества в Москве»).

В то время как Страсбургское общество должно было преследовать цель развития национальной литературы, перед создававшимся московским обществом прежде всего ставились общеобразовательные задачи нравственного и религиозного характера. В проекте выдвигались три основные цели· 1) обновление и украшение церквей этой столицы; 2) содействие улучшению нравов всех сограждан этого огромного города; 3) отыскание средств для основания всевозможных школ. Собрания должны были происходить еженедельно по вторникам «в доме покойного члена вольного русского общества Ивана Григорьевича» (т. е. Иоганна Георга Шварца). Именно ему принадлежит часто используемая формула· «Gott als allweiser Baumeister des Weltalls» («Бог — всемудрый зодчий Вселенной»), формула, привычная в среде русских масонов. Ленц варьировал ее иногда следующим образом: «allerhöchster Baumeister des menschlichen Körpers» («Всевышний — зодчий организма человечества»). В намерения Ленца входило объединение планируемого им литературного общества с немецкой масонской ложей («Zu Freundschaft») «К Дружбе».[4]

6 ноября 1782 г. было основано «Дружеское ученое общество», а в 1784 г. — «Типографическая компания» Это литературное общество и типография, которую возглавил Н. И Новиков, предоставляли вознаграждение за переводы. Типография помещалась в доме у Никольских ворот. Там же долгое время дверь в дверь жили Ленц, молодой Карамзин и друг его А А. Петров. Впоследствии И. И. Дмитриев вспоминал «скромное жилище молодых словесников», которое разделено было тремя перегородками, в одной стоял на столике, «покрытом зеленым сукном, гипсовый бюст мистика Шварца», «а другая освящена была Иисусом на кресте, под покрывалом черного крепа».[5]

Ленц тесно сблизился с кругом Новикова, однако при этом он надеялся, что будут приняты во внимание его собственные идеи, касавшиеся реформирования народного просвещения и социальных вопросов. Недаром он в своей ранее изданной рецензии на «Гетц фон Берлихенген» говорил, что не письменное слово, а «дело, дело должно стать душою мира» Однако его планы издания антологии новейшей русской литературы для немецкого читателя осуществились в столь же малой степени, как и его предложения в области педагогики и экономи-

---

[4] Ср также *Winter H-G* J M R Lenz Stuttgart, 1987 S 106, *Hohoff C* J M R Lenz mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt Reinbek bei Hamburg, 1977 S 130 Ср также *Damm S* Vogel, die verkünden Land Das Leben des Jakob Michael Reinold Lenz Berlin und Weimar, 1988 S 373—383

[5] *Дмитриев И И* Сочинения СПб , 1892 Т 2 С 25 Здесь же Дмитриев говорил о «нравственном образовании» Карамзина в кругу Новикова

ки, которыми он хотел содействовать культурному и хозяйственному развитию тогдашних остзейских провинций России.

Вероятно, что Ленц был поощряем «Типографической компанией». Об этом свидетельствуют относящиеся к этому времени его многочисленные переводческие проекты. В 1787 г. в Москве появилась книга, изданная Хр. Ридигером и отпечатанная в Лейпциге Брейткопфом, — «Übersicht des Russischen Reichs nach seiner gegenwärtigen Neu eingerichteten Verfassung» — осуществленный Ленцем перевод труда С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» (СПб., 1789). В дальнейшем Ленц трудился над переводом сочинения М. Д. Чулкова «Историческое описание российской комерции...» (СПб., 1781—1788. Т. 1—7). Этим Ленц занимался, очевидно, в последние годы своей жизни. По смерти Ленца Петров писал 19 июля 1792 г. Карамзину: «А мы, оставшиеся с наследием покойного, с Историею Российской торговли, примемся каждый за свой том, будем читать, штудировать, делать выписки...»[6]

Помимо этого Ленц переложил на немецкий язык первые пять песен «Россиады» М. М. Хераскова по изданию, подготовленному Новиковым (Россиада, поэма эпическая. Изд. 2-е, исправленное, пересмотренное и дополненное. М., 1786). Стимулировал работу над переводом, по собственному признанию Ленца, граф Ф. Е. Ангальт: «Als der Graf Anhalt hier durchging, mußte [ich] demselben versprechen, einige Gesänge der Russiade oder Gedichts von Rusland in der Übersetzung mitzutheilen...» («Когда граф Ангальт был здесь проездом, я должен был ему пообещать перевести некоторые песни Россиады, или стихи о России...»).[7]

Уже в ноябре 1785 г. Ленц писал своему отцу, что «habe das Glück gehabt, Sr Exelenz dem Herrn Curator Cheraskoff besondrs empfohlen zu seyn und beschäftige [sich] mit einem Aufsatz über einige Schöncheiten seiner Gedichte, insofern sie auf die Erziehung der russischen Jugend Einflüsse haben» («имел счастье специально быть представленным его превосходительству господину куратору Хераскову», и что «занимается в настоящее время статьей о некоторых красотах его стихов, поскольку они имеют влияние на воспитание российского юношества»).[8] Ленц обратился к переводу поэзии Хераскова также, по-видимому, под влиянием кружка Новикова. Не случайно Карамзин в 1787 г. в письме к И. К. Лафатеру называет Хераскова лучшим русским поэтом.

Среди до сих пор не опубликованных рукописей Ленца находятся переводы, в том числе под заглавием «Aus dem

---

[6] *Карамзин Н П* Письма русского путешественника Л , 1984 С 510

[7] Briefe von und an Lenz, a. a. O. Ленц отправил свой труд для напечатания в «Deutschen Museum» к Х. Х. Бойе, но посылка, очевидно, затерялась

[8] Там же

ersten Theil der alten diplomatischen Bibliothek des Herrn von Novikoov» и «Probe des obenerwahnten Vortrages» («Из первой части „Древней российской вивлиофики" господина Новикова» (12 страниц in folio) и «Опыт вышеупомянутого доклада» (№ 10 «Древней российской вивлиофики»; 1 стр. in folio)).

К периоду между 1781 и 1787 годами относится набросок сцены из драмы о Борисе Годунове. Бориса посещают в 1591 г. «некоторые русские купцы» и торопят его насильственно воспрепятствовать восшествию на трон Дмитрия, младшего сына Ивана IV, изгнанного в Углич, «татарина».[9]

Очевидно, Ленц был «связующим» между «Типографической компанией» и издателем И. Ф. Харткнохом, что явствует из письма, написанного в сентябре 1787 г. Ленцем Харткноху «в большой рассеянности»: «Wehrtester Freund! Es haben mich einige Mitglieder der hiesigen *freyen* Typographischen Gesellschaft bevollmächtigt, mit ihnen über Theilnahme an derselben Briefe zu wechseln» («Дражайший друг! Некоторые члены здешней *вольной* типографической компании уполномочили меня вступить с Вами в переписку об участии Вашем в ней»). Однако планы новиковского кружка приобрели к тому времени уже вполне определенный характер: «То правда, что мы имеем здесь немецкую типографию, однако чтение еще не столь распространилось, чтобы открыть, например, новую книжную лавку ⟨...⟩ Здесь как бы стараются создать общество читателей, которые охотно бы приняли произведения немецкой литературы, предлагаемые каким-нибудь книгопродавцем».[10] Отсюда явствует, что кружок Новикова не только трудился над изданием художественной, философской, исторической, религиозной или мистической литературы, но и стремился также организовать собственный сбыт. При этом Ленцу отводилась важная — до сих пор недооцененная — роль посредника. В своем письме к Харткноху, который приютил в своем рижском доме Ленца, потерпевшего в Веймаре в 1779—1780 гг. неудачу, последний называет следующих лиц, уполномочивших его на переговоры и поддерживающих его литературный проект: «Насколько я могу писать об этом предмете, поскольку г. Кутузов, чей силуэт я прилагаю Р. Аллерлаю вместе с силуэтом кн. Трубецкого и его супруги, находится в настоящее время вне Москвы, а г. Новиков в своем имении. Не только эти истинно великие и благородные русские, но и некоторые другие, среди которых его превосходительство куратор здешнего университета (М. М. Херасков. — *Г. Л.-К.*), побудили меня сообщить иностранцам избранное из новой

---

[9] Текст опубликован М. Келлером См.· Verfehlte Wahlheimat· Lenz in Rußland // Russen und Russland aus deutscher Sicht 18 Jahrhundert· Aufklärung (=West-östliche Spiegelungen, Reihe A, Bd 2) München, 1987 S 522—523

[10] Briefe von und an J M R Lenz, a a O S 207—208

русской литературы под названием „Russisches Allerley" («Русская смесь»)» [11]

Ленц сумел вызвать интерес кружка Новикова к произведениям Шекспира, а также к немецкой поэзии, философии, драматургии Для Карамзина Ленц с 1786 г (несмотря на усиливающееся душевное расстройство последнего (шизофрения)) — чрезвычайно интересный собеседник, побуждающий к спору, от которого к тому же можно услышать современную немецкую речь (немало немецких академиков, состоявших на русской службе более длительное время, утратили живую связь с современным немецким языком и говорили на старомодном немецком) Когда Карамзин 21 июля 1789 г разыскал в Веймаре Виланда, немецкий поэт спросил его, как он, «живучи в Москве, научился говорить по-немецки», и тот сразу упомянул Ленца [12] Ленц также был очень доволен своим «учеником» Карамзиным В письме к брату, написанном им в апреле 1789 г , он очень высоко оценивает карамзинское владение языком «Он любит немецкий язык исключительно, говорит и пишет на нем, как природный немец» В 1787—1788 гг Ленц и Карамзин виделись почти ежедневно [13] Ленц был для юного Карамзина во многих отношениях «ментором» Однако на формирование его литературных вкусов Ленц оказал не очень существенное влияние Интересы Карамзина были ориентированы на литературу раннего периода «Бури и натиска» его интересовали Шекспир, Юнг, Стерн, Томсон, Мильтон, Шефтсбери, Клопшток и т д (ср кенигсбергский и страсбургский периоды Ленца) Карамзин предложил в своем «программном» стихотворении «Поэзия» (1787) программу чтения немецкой, а также английской и древней литератур, подобную той, что Ленц в стихотворении «Uber deutsche Dichtkunst» («О немецкой поэзии»), а Ф В Цахария в «Die Poesie und Germanien» («Поэзия и Германия») предлагали до него [14]

В конце 1780-х годов Карамзин твердо придерживался идеалов начинающегося движения «Бури и натиска», т е проявлял меньше интереса к «современной литературе» Взгляд же Карамзина на перспективу развития немецкой литературы и духовной жизни Германии в целом формируется под сильным влиянием Ленца, который познакомил русского писателя с немецким литературным развитием до 1779 г Ленц участвовал в составлении плана европейского путешествия, намечавшегося Карамзиным не позднее 1787 г Х-Б Хардер говорил

---

[11] Там же

[12] *Карамзин Н М* Письма русского путешественника С 74

[13] Там же

[14] Карамзин предваряет свое программное стихотворение эпиграфом из Клопштока «Die Lieder der gottlichen Harfenspieler schallen mit Macht, wie beseelend» («Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные») — *Карамзин Н М* Полн собр стихотворений М , Л , 1966 С 58

по этому поводу о «geistig vorgezeichneten Bahn» («обозначавшемся духовном пути») [15] Это отчасти и привело Карамзина к расхождению при составлении плана образовательного путешествия с намерениями С. И. Гамалеи, который давал советы стипендиату «Типографической компании»

Путешествуя по Германии и Швейцарии, Карамзин посетил места, где некогда жил Ленц· Кенигсберг, Веймар, Страсбург и Цюрих Здесь он отыскал старых знакомых Ленца, а также его прежних литературных противников, которых он, по желанию Ленца, должен был разыскать. Он побывал у Канта в Кенигсберге, у Виланда и Гердера из «Веймарского триумвирата», у Лафатера в Цюрихе, а также у Николаи в Берлине.

Семнадцати лет Ленц изучал теологию в Кенигсбергском университете, где Кант в 1769—1770 гг. читал мораль, метафизику, естествознание и антропологию В 1770 г Кант получил кафедру логики и метафизики, по этому поводу Ленц написал по поручению своих лифляндских и курляндских товарищей стихотворение «Als Sr. Hochedelgeborene der Herr Professor Kant, den 21. August 1770 für die Professur Würde disputierte» («На возведение его высокоблагородия господина Канта 21 августа 1770 г. в профессорское достоинство») Вдохновленный лекциями Канта, Ленц уже в эти годы увлекся идеями Ж.-Ж. Руссо. 19 июня 1789 г. Карамзин наконец посещает Канта, о котором он уже знал, что у него «все просто, кроме... его метафизики».[16]

Отношение Ленца к Виланду складывалось сначала чрезвычайно трудно. Задетый критикой Виланда на свои «Anmerkungen übers Theater» («Примечания о театре»), Ленц неоднократно выступал против него с сатирическими выпадами, порой полными сарказма. К тому же в Виланде из-за его принадлежности к «Геттингенской роще» Ленц видел в 1775 г. безнравственного литератора (см драматическую сатиру «Pandaemonium Germanicum» (1775)) Эта сатира, связанная с фарсом Гете «Боги, герои и Виланд», выражала полное литературное признание Лессинга, Клопштока, Гердера и Гете (это было в то же время воинственным ответом противникам литературного новаторства). Еще в 1775 г Ленц анонимно опубликовал сатиру-диалог «Меналк и Мопсус», а также пародию «Eloge de feu Monsieur **nd» («Похвала покойному господину **нду»), направленные против Виланда Уже отпечатанные полемические «Wolken» («Облака») Ленц в последний момент забрал назад. В 1776 г. Ленц сочинил более умеренное по своему характеру сочинение «Vertheidi-

---

[15] *Harder H -B* Nikolaj Karamzin und die philosophisch-literarischen Kreise in Konigsberg, Berlin, Weimar und Zürich In Beforderer der Aufklarer in Mittel- und Osteuropa Freimaurer, Gesellschaften, Clubs (=Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa Bd 5) Essen, 1987 S 304—319

[16] *Карамзин Н М* Письма русского путешественника С 21

gung des Herrn W. gegen die Wolken von dem Verfasser der Wolken» («Защита г. В. от облаков от автора „Облаков"»). Но вскоре в Веймаре Ленц близко сошелся с Виландом и принужден был пересмотреть свое мнение о нем, тем более что Виланд уже в 1774 г. в «Teutschen Mercur» дал благосклонную рецензию на «Hofmeister» («Гофмейстера») и переложение Ленцем Плавта Позднее Виланд рассказывал, что Ленц при первой встрече с ним воскликнул в удивлении: «Вы Виланд? Я думал вы с рогами, когтями и конскими копытами» («Sind Sie Wieland? Ich dachte Sie mit Hörnern? Krallen? dem Pferdefuß»). Когда Карамзин при знакомстве с Виландом упомянул Ленца, «разговор обратился на сего несчастного человека, который некогда был ему очень знаком».[17] Вначале Виланд весьма неприветливо встретил Карамзина, но затем смягчился и пригласил для новой беседы. За несколько часов Карамзин испытал нечто похожее на то, что Ленц переживал в течение нескольких лет: в первый раз утром непреодолимая дистанция между ним и Виландом, затем при втором, послеобеденном, посещении Карамзин заметил в нем «любезную искренность». Здесь и в других местах «Писем русского путешественника» (авторизованный немецкий перевод был сделан Й. Рихтером) Карамзин использует «самостилизацию» как литературный прием, иначе он не изображал бы так подробно этот первый разговор, который «зацепил заживо» его самолюбие.[18]

Гердер, находившийся с Ленцем в самых дружеских отношениях, встретил молодого русского, как и ожидалось, чрезвычайно радушно. Очевидно, что Гердера привел в удивление ответ Карамзина на вопрос, кого из немецких поэтов он наиболее ценит, ибо ответ Карамзина звучал так: «Клопштока почитаю самым выспренним из поэтов германских».[19] В своем почитании Клопштока Карамзин сходился с Ленцем. Клопшток умел соединить религиозный взгляд на мир с новым, гуманистическим. Подобно тому как Клопшток ниспровергал несовершенную уже эстетику Готтшеда и нормативную поэтику, Карамзин ставил перед собой задачу реформировать русскую поэзию и русский язык. Гердер эту взаимосвязь не мог уловить, однако реагировал на ответ Карамзина очень дипломатично, так высказавшись по этому поводу: «И справедливо ⟨...⟩ только его читают менее, нежели других, и я знаю многих, которые в Мессиаде на десятой песни остановились, с тем чтоб уже никогда не приниматься за эту славную поэму».[20] Гердер похвалил затем Виланда, «а особливо Гете, как будто мимоходом».

20 и 21 июля Карамзин посетил Гердера и Виланда. В письме от 22 июля он сообщает, что ему «рассказывали здесь

---

[17] Там же С 74
[18] Там же С 75
[19] Там же С 72
[20] Там же С 73

разные анекдоты о нашем Л*⟨енце⟩». В марте—апреле 1776 г. Ленц через Мангейм и Франкфурт совершил путешествие в Веймар и Берк. Здесь после некоторых эскапад произошла его размолвка с другом юности Гете; возможно, по настоянию последнего в конце ноября 1776 г. Ленц принужден был оставить Веймар. Ленц держал себя как гений. Однажды он явился на придворный бал в маскарадном костюме «домино». Подобные странности прощались талантливому человеку. Гете писал фрау фон Штайн, что поведение Ленца вызвало «лихорадку смеха». Однако Карамзин описывает такое происшествие, которое не могло не прекратить смех при дворе: «С самого своего приезда Л*⟨енц⟩ объявил себя влюбленным во всех молодых, хороших женщин и для каждой из них сочинял любовные песни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончине сестры своей: он написал ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминул в них уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться в Юпитерову супругу. — Однажды он встретился с Герцогинею за городом, и, вместо того чтобы поклониться ей, упал на колени, поднял вверх руки, и таким образом дал ей мимо себя проехать. На другой день Л*⟨енц⟩ всем знакомым разослал по бумажке, на которой нарисованы были Герцогиня и он сам, стоящий на коленях с поднятыми вверх руками».[21] Карамзин вполне понимал, что Ленц в этот момент вовсе не был безумным, просто жизнь его — поэзия и поэтическая фантазия владеет его существом.

1 июля 1789 г. Карамзин посетил «известного автора и книгопродавца» Х. Ф. Николаи, которого он, согласно Ленцу, должен был «остерегаться». Однако, вопреки всем устрашениям, Николаи встретил его «С такой ловкостию, с такой учтивостию, какой бы нельзя было ожидать от немецкого ученого и книгопродавца». Карамзин знал о полемике, развернувшейся на страницах «Berlinischen Monatsschrift» по поводу связи католицизма с орденом иезуитов. Николаи объяснил Карамзину, что «дух католицизма не терпит никакой свободы в умствованиях и налагает цепи на разум». Карамзина, кажется, не особенно убедили аргументы Николаи, и он задал Николаи относительно «колкого ответа доктора Бистера господину Гарве» следующий вопрос: «Но зачем с такой жестокостию писать против некоторых почтеннейших мужей Германии, для того единственно, что они сомневаются в существовании тайных иезуитов и в том чтобы католики могли ныне быть опасны протестантам?» Кажется, Карамзин очень разочарован «толерантностью» берлинских просветителей (что уже было и с Ленцем): «Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?»[22]

---

[21] Там же С 79
[22] Там же С 38

Ленц вступил в литературную полемику с Николаи еще в 1775 г. В 1774 г. вышли «Страдания юного Вертера» Гете. Николаи отозвался на них язвительной сатирой, носящей название «Freuden des jungen Werthers. Leiden und Freuden Werthers des Mannes» («Радости юного Вертера. Страдания и радости Вертера-мужа»). Вслед за этим Ленц решился защитить своего друга. Уже в 1775 г. он опубликовал статью «Briefe über die Moralität der Leiden des jungen Werthers» («Письма о моральной стороне страданий юного Вертера»), глубокое толкование романа Гете современником. Ленц пытался представить актуальный смысл основной нравственной линии романа Гете и тем самым оправдать автора в глазах тех, кто «всегда приписывает ему такие конечные нравственные цели, о которых он никогда и не помышлял». Фрагмент написанного Ленцем романа в письмах (трагикомического!) «Der Waldbruder» («Лесной брат», 1776), изданный Шиллером в «Horen» в pendant к «Страданиям Вертера» в 1797 г., построен как переписка разных авторов, в которой Ленц, скорее, следует более старому стилистическому образцу — «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо.

Очень вероятно, что Ленц повлиял на карамзинское восприятие Вертера. По крайней мере, одно беглое замечание (письмо из Лозанны от 11 сентября 1789 г.) свидетельствует о том, что Карамзин глубоко проанализировал «Вертера»: «Основание романа то же, и многие положения (situations) в Вертере взяты из Элоизы; но в нем более Натуры».[23] В 1792 г. Карамзин издал повесть «Бедная Лиза», привив таким образом России «болезнь Вертера». Сходство судеб, возраста заимствовано из «Вертера», как и мотив самоубийства.

Особенно сошлись Карамзин и Ленц на интересе к Шекспиру. Молодой русский писатель видел в немецком штюрмере несбывшуюся надежду на немецкого Шекспира. Для Карамзина, переведшего в 1786 г. «Юлия Цезаря», статья Ленца «Anmerkungen übers Theater nebst angehängten übersetzten Stück Shakespeares» (Leipzig, 1774) («Замечания о театре вместе с приложенной переводной пьесой Шекспира») имела величайшее значение, так как и он стремился к реформе литературного стиля. «Возвышенный» язык русского классицизма был вытеснен языком литературных салонов и «хорошего общества». Карамзин сумел существенно упростить стиль прозы. Поэтика русского классицизма основывалась на античной поэтике, обновленной Ренессансом. Карамзин отказался — как уже это сделал Ленц — от классической нормативной поэтики, и прежде всего от аристотелевой традиции. Поэтические нормы стали определяться требованием «естественности», т. е. верности природе.

---

[23] Там же С 150

Ленц также в своих «Anmerkungen übers Theater» («Замечания о театре»), частично восходящих к прочитанным зимой 1771—1772 г в Страсбурге докладам, решительно отверг драматургию, присягнувшую Аристотелю, и действовавшую еще тогда нормативную эстетику. Аристотелевы и обновленные Лессингом определения трагедии и комедии он поставил с ног на голову и определил задачей поэта подражание «природе», т. е. познаваемому миру. В Шекспире Ленц видел напряженное взаимодействие между трагедией и комедией и свободу от правил. Люди Шекспира сами по себе не есть характеры, они определяются своим положением, своими слабостями и предрассудками. В 1774 г. Ленц перевел на немецкий пьесу Шекспира «Love's Labour's Lost» («Бесплодные усилия любви») под заглавием «Amor vincit omnia».

Уже первая драма Ленца «Der Hofmeister oder Vorteile der Privaterziehung» («Гофмейстер, или Польза частного воспитания», 1772—1773) ориентирована на шекспировское построение драмы, на что указывает отсутствие единства времени, места и действия. Переводы Карамзина «Эмилии Галотти» Лессинга и «Юлия Цезаря» Шекспира могли возникнуть под влиянием Ленца. Вместе с тем в предисловии к своему переводу «Юлия Цезаря» Карамзин использовал статью Виланда «Der Geist Shakespears» («Дух Шекспира», 1773), в которой с восхищением говорилось о глубоком понимании человеческой природы, присущем Шекспиру.[24]

В кругу московских масонов и просветителей, и особенно между А. Петровым и Карамзиным, шли плодотворные дискуссии о соотношении гения и натуры. В Шекспире Карамзин видит гения, который сам, как природа, и поэтому не связан правилами. Идея, что гений может пренебрегать правилами, восходит, очевидно, через посредство Ленца к Мерсье.[25] Карамзин, во всяком случае, идентифицирует «природу» и шекспировский гений. Х. Роте по этому поводу указывает на то, что Карамзин под гениальной природой Шекспира понимал его способность к познанию.[26]

Особенно интересными представляются шекспировские герои в связи с новым пониманием личности и культом гениальности. Согласно Х. Г. Шварцу, здесь происходит разрыв с традиционным принципом подражания, отчасти из-за исторического мышления, с его оправданием своеобразия и индивидуальности, которое способствовало преодолению нормативной эстетики. Гораздо важнее новое понимание человека,

---

[24] См *Кафанова О Б* «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н М Карамзина // Русская литература 1983 № 2 С 158—163

[25] *Cross A G* N M Karamzin A Study of His Literary Career London and Amsterdam, 1971 P 16—17

[26] *Rothe H* N M Karamzins europaische Reise Der Beginn des russischen Romans Berlin, Zurich, 1968 S 57—65, особенно S 64

открытое в произведениях Шекспира.[27] Вследствие этого меняется перспектива· аристотелево подражание действию вытесняется шекспировским подражанием личности. Факт, который для понимания эстетики русского сентиментализма и для «открытия» человеческой личности в новиковском кружке можно признать особенно значительным.

В «Письмах русского путешественника» имя Ленца встречается много раз Когда Карамзин 31 мая 1789 г. попадает в Дерпт, он задает риторический вопрос: «Здесь-то живет брат нещастного Л***. Он главный пастор, всеми любим и доход имеет очень хороший. Помнит ли он брата?»[28] В Дерпте также он вступает в разговор (вымышленный или реальный?) «с одним лифляндским дворянином, любезным, пылким человеком». Оценка Ленца этим «собеседником» «случайно» совпадает с оценкой новиковского кружка и Карамзина, и опять говорится о несбывшейся надежде, что Ленц станет немецким Шекспиром: «Кто, читая поэму шестнадцатилетнего Л***, и все то, что он писал до двадцати пяти лет, не увидит утренней зари великого духа? Кто не подумает: вот юный Клопшток, юный Шекспир? ⟨. .⟩ Глубокая чувствительность, без которой Клопшток не был бы Клопштоком и Шекспир Шекспиром, погубила его Другие обстоятельства, и Л*** бессмертен!»[29] Эта цитата никак не подтверждает того, что Ленц, как недавно заметил Г. Винтер, в новиковском кружке «едва ли воспринимался как оригинальный поэт», тем более что его не поддерживали. По крайней мере, свидетельств этому нет. Совершенно неоправданно возлагать на Карамзина и других масонов «ответственность за „утрату его поэтического дара", что привело к его „глубокой неуверенности относительно своей роли как автора"».[30] Ленц был загружен переводами и проектами, вместе с тем его состояние духа непрерывно ухудшалось. Несмотря на это, Карамзин замечает, что «в самом сумасшествии он удивлял нас иногда своими пиитическими идеями». Это признание смыкается с предположением Э. Кросса, что «лирическое эссе»[31] памяти скончавшегося в 1793 г. А А. Петрова «Цветок на гроб моего Агатона» («Аглая», 1794) могло быть навеяно сочинением Ленца «Etwas über Philotas Karakter. Ein Veilchen auf sein Grab» («Нечто о характере Филотаса. Фиалка на его гроб», 1780).[32]

---

[27] *Schwarz H -G* Dasein und Realitat Theorie und Praxis des Realismus bei J M R Lenz (=Studien zur Germanistik, Anglistik und Komparatistik, hrsg v A Arnold und A M Haas Bd 116) Bonn, 1985. S 46

[28] *Карамзин Н М* Письма русского путешественника С 9

[29] Там же С 9—10

[30] *Winter H G* J M R Lenz S 109—110 Автор пытается применить к русской культурной ситуации масштаб буржуазной эмансипации, что весьма проблематично

[31] *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб , 1994 С 232

[32] *Cross A G* N M Karamzin S 146

Ленц, который был в самых тесных отношениях с цюрихским «магом» Лафатером, в 1777 г много путешествовал по Швейцарии и состоял с ним в переписке, нашел в новиковском кружке, в особенности благодаря участию почившего в 1784 г И. Шварца, близость с направлением Гаманна—Лафатера, перед которым он сам преклонялся. Шварц же в своих лекциях ставил Лафатера на одну ступень с Я. Беме Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Карамзин 14 августа 1786 г. вступил с Лафатером в переписку, впрочем, видя в нем не мистика, а физиогномиста и знатока человеческих душ [33] В письме к Лафатеру от 20 апреля 1787 г Карамзин сообщает о состоянии Ленца: «Он нездоров. Он всегда путается в мыслях. Вы, вероятно, не узнали бы его, если б теперь увидели. Он живет в Москве, сам не зная зачем Все, что он по временам пишет, доказывает, что он когда-то был очень даровит, но теперь...»[34]

Перевод Н. Ю. Алексеевой

---

[33] *Heier E* Studies on Johann Caspar Lavater (1741—1803) in Russia (=Slavica Helvetica Bd 37) Bern u a , 1991, особенно S 37—72, *Lehmann-Carli G* Karamzins Lavater-Rezeption Zur Genesis einer Stromung in der russischen Aufklarung // Zeitschrift fur Slawistik 1991 Bd 36 H 4 S 505—517

[34] *Карамзин Н М* Письма русского путешественника С 489